

Гладарев Б. В поисках «мужских» пространств: рыбалка // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации / Сост. И.А. Морозов, отв. ред. Н.Л. Пушкарева. Москва, «Индрик», 2007. с. 233-243. - 264 с.

В поисках «мужских» пространств: рыбалка

Введение

Данная статья написана по результатам социологического проекта, проводившегося мной в среде рыболовов-любителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1998-1999 годах. Целью исследования было описание и анализ практик рыболовов-любителей, которые дали бы возможность понять механизмы формирования субкультурных сообществ, возникающих на основе общего хобби, определить их структуру и социальные функции.

Работая в Ленинградской области, я многократно сталкивался с людьми, экипированными рыболовными ящиками и удочками, которые наполняли пространство пригородных автобусов и электричек. Внешне они разительно отличались и от дачников, и от людей, которые ехали на работу в Петербург или возвращались домой в города и поселки Ленобласти. Тепло одетые мужчины, обутые в бахилы от военных костюмов химической защиты («химзащита») сидели группами на небольших металлических ящиках на платформах пригородных поездов. В октябре и в конце февраля их становилось особенно много. «Путина», - объясняли мне случайные попутчики. Желание понять этих людей, попытаться разделить их специфический опыт навело меня на мысль об этом исследовании.

Методологически моя работа лежала в русле теоретического подхода, который получил известность как социология практик. Он ориентируется на изучение социального взаимодействия на микро-уровне и обычно реализуется посредством применения качественной методологии (глубинные интервью, включенное наблюдение). Выбор качественной методологии обусловлен исследовательским вопросом, который фокусируется на повседневных практиках, которые часто не рефлексированы участниками социального взаимодействия, воспринимаются ими как нечто само собой разумеющееся. Анализ биографических интервью дал возможность проследить особенности самоидентификации информантов как рыбаков-любителей, прояснить вопросы, связанные с социальными нормами, стереотипами и внутренними границами субкультуры. Включенное наблюдение позволило сопоставить то, что говорят о себе рыбаки, с их практическими действиями, а также понять характерный сленг (словарь см. в Приложении) и характер социальных отношений в рыбацких группах. Чтобы избежать ложных интерпретаций, практиковались повторные интервью.

На протяжении осени-зимы 1998-1999 годов было проведено девять биографических интервью, одно групповое интервью, в котором участвовали три рыбака, а также одно экспертное интервью с егерем, неоднократно участвовавшим в акциях Рыбнадзора. Были проинтервьюированы рыбаки из Санкт-Петербурга, Сестрарецка, поселков Кузнечное и Приветинское. Кроме того, автор статьи лично принимал участие более чем в десяти рыбалках на разных водоемах и с различными снастями, за что приносит благодарность Александру Веселову и Максиму Яковлеву.

***

Рыбная ловля традиционно является одним из популярных способов проведения досуга. Эта деятельность частично институционализована. В Петербурге и Ленобласти работают сотни магазинов, специализирующихся на продаже рыболовного снаряжения. Существуют общества рыболовов-любителей. Выходят периодические издания для рыболовов и телепередачи, например, «Диалоги о рыбалке» на Седьмом канале. Действуют многочисленные сайты, посвященные рыбалке. На берегах рек и озер Ленобласти функционируют рыбацкие базы и гостиницы для рыбаков. Существует регулирующая практики рыбалки организация – Рыбнадзор, в задачи которой входит контроль методов и объемов рыболовного промысла.

Экстремальность поведения рыбаков, а также рискованные и не всегда законные формы лова регулярно заставляют государственные службы вмешиваться в досуговые практики рыбаков-любителей. В прессе ежегодно мелькают сообщения о количестве погибших или оторванных на льдинах рыбаков-любителей и сетования чиновников из МЧС по поводу «безответственного поведения рыбаков, которое выливается государству в копеечку», так как спасательные операции с привлечением вертолетов весьма капиталоемки. Не смотря на определенные риски, рыбалка является весьма привлекательной формой проведения досуга. Результаты исследования подтверждают, что на Северо-западе существует достаточно массовая практика любительской рыбной ловли, целые династии рыбаков и специфическая «досуговая» субкультура с характерными правилами, нормами и социальными границами (см. Гладарев, 2001).

Своей задачей, в рамках этой статьи, я вижу антропологический анализ субкультуры рыбаков-любителей, с акцентом на интерпретацию ее гендерных особенностей. Дело в том, что данная субкультура носит преимущественно гомосоциальный характер, рыбак-любитель – это, в подавляющем большинстве случаев, мужчина. А действие, которое каждый год разыгрывается на водоемах Ленинградской области, можно назвать «Спектаклем маскулинности», и именно о нем пойдет речь в данной статье. Но выбранная метафора театра предполагает предварить изложение

самого действия описанием действующих лиц, сцены, декораций и реквизита, присутствующих в спектакле. То есть ответить на вопрос кто и как ездит на рыбалку?

Действующие лица

Рыбаки представляют собой крайне разнородную группу. В ходе исследования самым молодым любителем порыбачить, с которым мне удалось поговорить, был десятилетний мальчик, житель Сестрорецка. Самым пожилым – 65-летний пенсионер из Петербурга, который вспоминал времена, когда лосось еще ловился в Неве. Весьма разнороден и профессиональный состав рыбаков-любителей. Мне встречались рабочие и безработные, военные и инженеры, чиновники и предприниматели, и даже один профессор. По уровню достатка мои информанты также различались: от людей, для которых пойманная рыба была реальным подспорьем в пищевом рационе семьи или способом подработать, до очень состоятельных граждан, которые каждый сезон меняли катера, стоимость которых исчислялась десятками тысяч долларов.

Можно сказать, что границы этой субкультуры весьма размыты. Для нее характерна особая демократичность в отношении внешних, не относящихся непосредственно к рыбной ловле, статусов и позиций. В одной рыбацкой компании могут сосуществовать люди разных возрастов, профессий и доходов. Организация рыбацких групп происходит на основании специфических субкультурных правил и норм. Статусы определяются через навыки, умения и удачливость в рыбной ловле, то есть через особую внутрисубкультурную иерархию. В этой связи важно отметить, что рыбалка – это, обычно, коллективная практика, осуществляемая малыми группами по 2-4 человека. Иногда это достаточно устойчивые «компании» сослуживцев или друзей детства (часто одноклассников), однако во многих случаях рыбацкие группы создаются непосредственно в ходе рыбалки. Люди знакомятся во время рыбной ловли, и общий интерес к этому занятию быстро разрушают социальное отчуждение. Рыбаки определяют себя как людей весьма общительных:

«Кстати, рыбаки и охотники, они как-то более общительны. Быстрее в контакт входят... Зимой, как правило, рыбака сразу видишь. Ты же берешь с собой ящик, коловорот и т.д., и вот едешь и спрашиваешь: где ловил, что ловил? И, как правило, тебе говорят. И потом, соответственно, уже на Финляндском вокзале прикидываешь, куда же все-таки поехать?» (Александр, 43 года, фрезеровщик); или: *«Рыбаки – они на язык цепкие. Бывает, встретишь знакомого на улице и часа три не разойтись. Про то, про се, пятое-десятое... Темнеет уже...»* (Игорь, 23 года, безработный).

Достаточно редко занимаются рыбалкой в одиночку. Из всех моих информантов только один признался, что предпочитает ловить рыбу в одиночестве, поскольку его опыт групповых рыбалок был негативным. А опыт моего общения с ним позволяет охарактеризовать его в целом как человека замкнутого и нелюдимого. Но в основном: *“Если, допустим, одному – плохо. Потому что вода есть вода, лодка – лодкой. Всякое случается... Один это один, а вдвоем в*

другом плане... допустим, если рыба клюет, то это даже не столь важно [один тыловишь или не один. – Б.Г.]. А если, допустим, клев средний или плохой, то вдвоем уже намного веселее. Поэтому обычно ездим вдвоем, втроем» (Александр, 43 года, фрезеровщик).

Хотя существует миф о том, что «рыбные места не раскрывают» и «об улове не спрашивают», результаты интервью и наблюдений показывают, в рыбацкой среде существуют достаточно широкие социальные сети, происходит обмен информацией, опытом, снастями. О наличии обширных связей в среде рыбаков упоминал каждый информант. Особенно важна информация, так как от ее своевременности и достоверности зависит улов:

«Информант: Мы за неделю собираем информацию. Звонками. Звоним друзьям: где были, что ловили? И вот узнаем - ловят там-то. Значит, едем туда. Короче говоря, вы сейчас интервью берете, а у нас там кто-нибудь промышляет.

Интервьюер: И много людей, готовых делиться информацией?

Информант: Я считаю, что мы с открытой душой и к нам с открытой душой. Ну, обычно я звоню другу, а у друга там друг - вот так вот. Ну и информация поступает, будем говорить так, из достоверных источников. Не то, что там кто-то что-то слышал на остановке» (Александр, 45 лет, шофер).

Социальные связи в рыбацкой субкультуре формируются на основе общих интересов в сфере досуга. Они могут завязываться на работе: *«Мы работали в одной системе, а на работе же обычно в основном как, что вот такие кровные рыбаки утром же встречаясь: «Ну, как вчера? Где был? Как вчера клевало? Как ловил?» Там уже друг друга знают рыбаки» (Виктор, 55 лет, токарь).*

Связи между рыбаками могут существовать с детских лет: *«Дружим со школы, вместе с уроков на рыбалку убегали, вместе пробовали рыбу по соседям продавать. С тех пор все и пошло» (Александр, 23 года, плотник). Некоторые знакомятся прямо на рыбалке: «Встречался я с Игорем несколько раз на Заливе. Так, чисто здоровались... а потом как-то ловили вместе, разговорились, телефонами обменялись. Теперь вдвоем обычно ловим» (Женя, 28 лет, водитель-частник).*

Большинство информантов указало на существование тесных дружеских контактов между членами рыбацкой группы и помимо рыбной ловли. Рыбаки-любители дружат семьями, часто вместе отдыхают, ходят друг к другу в гости. Многие отмечали, что ничто так не сплачивает трудовой коллектив, как совместный выезд на рыбалку, так как это позволяет естественным образом перейти от формальных отношений к неформальным. Как отмечал журналист «Независимой газеты» Рискин в статье «На рыбалку - как на службу»: в советское время

предприятия даже выделяли автобусы для этих совместных поездок сотрудников на корпоративные рыбалки (Рискин, 1999).

Для полного понимания внутренних смыслов субкультуры важно осознать, кто и как становится рыбаками? Как люди приобщаются к досугу, наполненному постоянным, а иногда и безуспешным ожиданием поклевки, жужжанием насекомых и/или сырым холодом? Что влечет их ехать на ранних электричках в отдаленные уголки Ленобласти впервые же свободные выходные?

Данные интервью показали, что приобщение к рыбацкой субкультуре происходит на раннем этапе социализации: все 13 информантов начали заниматься рыбалкой в возрасте 5-10 лет. Сегодня они с трудом формулируют мотивы своего увлечения: *«Понимаешь, рыбалка – это вообще! Как бы тебе объяснить? Даже не объяснить... даже не объяснить, как страсть»* (Руслан, 23 года, плотник). *«У кого к чему интерес. Другого хлебом не корми, дай ему в театр сходить или вот на певца какого-то. Вот там какой-то певец приехал, что ты! Я без ума от него. А мне чихать! Мне скажи «на рыбалку» там... Хоть сам Бог приехал и выступать будет, я лучше на рыбалку поеду»* (Виктор, 55 лет, токарь). *«Наверно, все, что именно это в плоть и кровь влилось, и вот привязалось вот именно к этому. И дорога, и приготовления к рыбалке, и сборы там. Именно то, что надо»* (Володя, 45 лет, инженер).

Безуспешные попытки определить мотивацию рыбаков позволили сделать вывод, что они занимаются рыбалкой скорее не в силу каких-то рефлекслируемых мотивов, а потому, что привыкли к этому способу проведения свободного времени. Здесь уместно использовать термин «практика» в интерпретации Пьера Бурдьё: «практика не является ни сознательной, ни рассчитанной, ни механически детерминированной» деятельностью (Бурдьё, 1994: 40). То есть практика не требует придавать действию смысл, она важна сама по себе. Эти мужчины стали рыбаками, потому что в силу разных обстоятельств с детства занимались рыбной ловлей:

«Ну, я вырос в Сестрарецке, ну, как же здесь рыбу не ловить! Сестрарецк – это же фактически остров: с одной стороны – Залив, с другой - Разлив, Черная речка, Шипуга... Сколько помню себя из дома сбегал на рыбалку» (Александр, 23 года, плотник).

Или: *«Мы детство с семьей всегда проводили на даче. А там какие развлечения? Велосипед, ягоды-грибы прособирать и... рыбу половить в озере. Мой дед любил меня брать с собой, там, рано утром, часов в пять: «Пойдешь?» - «Пойду»* (Валерий, 37 лет, чиновник).

Мотивация практики появилась у информантов позже, иногда даже непосредственно в процессе интервью, так как мотив «представляет собой социально санкционированное правило установления соответствия биографии и обстоятельств» (Филмер и др., 1978: 72). Однако эти мотивы имеют большое значение для понимания сути происходящего на рыбалке. В них имплицитно содержатся социальные нормы, которыми рыбаки-любители объясняют свои

практики, встраивая свое хобби в общий биографический нарратив о своей жизни. Мне удалось выявить три основных модели объяснения:

а) рекреационные: *«Она [рыбалка. – Б.Г.] позволяет держать себя в форме»* (Владимир, 45 лет, инженер); *«на станках молотишь, пылью дышишь целыми днями, молотишь и молотишь, а в выходные ты походишь, воздухом подышишь [на рыбалке. – Б.Г.]»* (Виктор, 55 лет, токарь);

б) социальные: *«Рыбалка – это не только общение с природой, это между людьми общение. Контакт как-то лучше: ближе становитесь друг другу»* (Валерий, 37 лет, чиновник); *«Знакомишься на рыбалке часто. У меня много знакомых рыбаков и все с открытой душой <...> помогаем друг другу»* (Игорь, 23 года, безработный);

в) экономические: *«...если трудное финансовое положение, если ты хочешь что-то заработать... ты можешь что-то продать. Я продаю рыбу, наверное, лет с 7-10»* (Руслан, 23 года, плотник).

Анализируя рационализацию рыбацкой практики, можно говорить о том, что для многих рыбалка становится своеобразной стратегией выживания и в эмоциональном (снимает стрессы, позволяет держать себя в форме), и в социальном (позволяет поддерживать социальные связи и создавать новые), и в экономическом (дополнительный заработок) планах.

Однако существует в рыбалке еще один очень важный аспект, который делает ее столь притягательной для мужчин. Если задаться вопросами: от чего отдыхают на рыбалке? с кем поддерживают социальные связи? как добывают дополнительные экономические ресурсы? То вырисовывается удивительно четкая картина мужского эскапизма. Рыбалка открывает перед ее участниками удивительные возможности для создания и воспроизводства специфических маскулинных практик, она создает пространство для целого «спектакля маскулинности».

Женщина как действующее лицо на рыбалке фактически отсутствует. Мне так и не удалось взять интервью ни у одной рыбачки. Мои информанты-мужчины на вопрос о женщинах-рыбаках недоуменно разводили руками, в их сознании «рыбалка» и «женщины» плохо совмещались. Большинство рыбаков считает женщин нарушающими гармоничное единообразие мужского сообщества. Если в интервью и упоминались женщины, то обычно это не «женщины-рыбаки», а «женщины на рыбалке». Обычно нарратив о рыбалке, с присутствием женщины окрашен негативно. Например, рассказывая о «чайниках» - начинающих рыбаках, один из информантов говорит:

«Это те, кто ходит в рыболовный магазин, там спрашивают у продавца, какую леску лучше, то-се. Ну, чисто начинающие, такие там <...>. Вот. Жену, конечно, с собой тащат, хотя ей это... Посидит, короче, ну, поймает пять ершиков...» (Игорь, 23 года, безработный). Или:

«Мы мужской компанией ездим. Если жен, детей с собой таскать, то рыбалка в пикник какой-то превращается. Не то, что я пикники не люблю, но это, понимаете, другое...» (Вадим, 42 года, предприниматель).

Несколько иначе рассказывают о женщинах-рыбаках или рыбачках. Здесь есть две вариативных формы. О них говорят либо с жалостью: *«Видно судьба не сложилась, раз приходится самой за рыбой таскаться»* (Виктор, 55 лет, токарь), либо с уважением и даже восторгом: *«Такого карася на пруду вытянула! Почтище любого мужика!»* (Игорь, 23 года, безработный). Следует подчеркнуть, что уважение возникает в том случае, если рыбачка особенно умела и удачлива, если она действует соответственно «мужским» правилам и нормам, а лучше еще и превосходит их: *«Почтище любого мужика!»* Таким образом, женщина, чтобы стать действующим лицом на рыбалке должна воспроизводить мужские образцы поведения, исповедовать специфическую идеологию преодоления, самостоятельно справляться с неизбежными для рыбалки физическими трудностями и возможными критическими ситуациями. Даже костюм рыбачки фактически не отличается от одежды мужчины-рыбака. В многочисленных рыболовных магазинах не существует особой «женской» линии одежды. Все куртки, брюки, головные уборы имеют «мужские» фасоны с уклоном в стиль «милитари». В этих магазинах я не встретил резиновых сапог, которые были бы меньше 40-го размера.

Последним действующим лицом, вовлеченным в спектакль рыбалки и которое нельзя не упомянуть является рыбоохранная инспекция или Рыбнадзор. Отношения рыбаков-любителей и Рыбнадзора имеют достаточно сложный характер. В обычном ожидаемом сценарии рыбалки инспектора Рыбнадзора не присутствуют физически, однако на уровне потенциальной возможности, подобно инспекторам ГИБДД для водителей, они всегда могут появиться. В их задачи входит контролировать способы и объем лова рыбы на вверенной им территории. Существуют периоды нереста, когда любой лов становится противозаконным. Но именно тогда рыбалка может быть чрезвычайно эффективной. Егерь одного из охотхозяйств с горечью рассказывал о варварских методах лова, которые ему в составе группы инспекторов Рыбнадзора приходится пресекать из года в год:

«Я уже много лет работаю, но такого, что творится последнее время... слов нет описать. Вот знают же, что нерест. Знают, что мы их пасем... И каждый год снимаем все больше сетей. Ставят прямо километрами. Штрафуем, изымаем сетки, но разве все проверишь...» (Егор, 40 лет, егерь)

Рыбаки отвечают инспекторам взаимной «любовью»:

«Они сами и есть первые браконьеры. Если человек поехал на удочку ловить и так, для страховки одну «финочку» воткнул, а его засекли – все! Штраф, сетку изымают. Еще хорошо, если просто деньгами отдашь. Мне рассказывали, что под Выборгом они прямо лодки конфискуют, пока через Сберкассу не оплатишь. А сами потом твои же сетки поставят. Сам видел, как они свои «огороды» проверяют. Прямо в самую путину ставят - не стесняются. Сами они, б...дь, браконьеры» (Игорь, 23 года, безработный).

Наличие Рыбнадзора, как контролирующей инстанции, создает одно из измерений «экстремальности» для рыболовов-любителей. Помимо «экстремальных игр» с переменчивой погодой Северо-запада, рыбаки-любители вовлекаются в игру «полицейские и воры» с инспекторами Рыбнадзора.

Противоречие лежит в институциональной области рыбоохранного законодательства. Дело в том, что многие рыбаки с охотой бы приобретали лицензии на лов, однако стоимость их достаточно высока, а места продажи находятся вдалеке от мест непосредственного лова, а именно в управлении рыбоохраны в Петербурге. Такая ситуация как бы поощряет браконьерское отношение рыбаков-любителей, а для инспекторов Рыбнадзора открывает широкие коррупционные возможности.

Сцена, декорации и реквизит

Определившись с действующими лицами, можно обратиться к декорациям:

«Природа – это же сразу понятно. На рыбалке видишь такое, что и по телевизору не покажут. В те места, куда мы с мужиками ездим... там, еще все дико, не загажено» (Виктор, 55 лет, токарь). Итак, действие происходит на сцене природы, желательно, по возможности, дикой. Это важно. Удовольствие от «общения с природой» как один из движущих мотивов упоминали почти все рыбаки-любители, с которыми мне удалось поговорить. Природа отрывает для мужчины возможности всячески ее покорять: обустраивать лагерь, справляться с непогодой, в общем, бороться за выживание в самых, что ни на есть натуральных условиях. И, конечно, добывать у природы ее богатства, а именно рыбу.

«Рыбалка дает уверенность. Уверенность, что я в любой момент буду независим от каких-то катаклизмов экономических. Всегда брюхо смогу набить. Это очень лелеет самолюбие: вот я смогу уехать куда-то далеко. Взять там... э-э... какие-то элементарные вещи и смогу прожить» (Василий, 23 года, охранник). В этом нарративе можно увидеть квинтэссенцию таких истинно «мужских» качеств как независимость, уверенность в себе и потенцию к властному доминированию (в данном случае над природой).

Важно, чтобы декорации, на фоне которых происходит рыбалка, давали возможность ее участникам исповедовать «идеологию преодоления», быть азартным, самоутверждаться в процессе ловли рыбы:

«Это романтики, то есть любые волны, любой лед, любая его толщина, промоины, ну все что угодно... Они [рыбаки. – Б.Г.] не смотрят на препятствия» (Руслан, 23 года, плотник). Или: *«Знаете, на Крестовском острове есть ресторан «Русская рыбалка». Там за деньги в пруду ты можешь сам форель поймать, и тебе ее тут же приготовят. Вот. Это совсем не то, что на рыбалке... Как объяснить? Действия вроде те же, но все ненатурально... и не вкусно, кстати. Я пробовал»* (Вадим, 42 года, предприниматель). Эти нарративы показывают, что цели рыбаков-любителей состоят не только и не столько в ловле рыбы (хотя это очень важно), сколько в процессе преодоления трудностей в романтической обстановке «дикой природы».

Ленинградская область в полной мере открывает простор для подобного рода «романтизма». Более 20 тысяч озер и около тысячи рек, не говоря уже о Финском заливе и крупнейшем озере Европы – Ладожском. Погода весьма неустойчива, а сильные и внезапные порывы ветра могут создать особые условия для «рыбацких подвигов». Некоторые из моих информантов имели опыт дрейфа на льдинах, некоторые лишались плавсредств и даже машин:

«Был такой случай. Три года назад поехали внятером в димкином «Москвиче» на Ладожский канал. Там без машины делать нечего, до окуневых ям пешком десять км не каждый пойдет... Туда еще ладо, а вот обратно по темноте тащиться... Короче, приехали, засверлились, ловим. Хороший клев. Все тягают. Счастье, короче. Погода вроде хорошая была, но потихоньку как-то затянуло, поземка какая-то с Ладоги несет... Ну, я говорю: «Давай уже сматываться», а ребята все тягают. Тут уже совсем как замело! Клев сразу закончился. Все! Побросали вещи, сели в «Москвич». И ехали вроде по своей же колее, да там видно лед отошел, трещина... Короче, машина затонула минут за пять» (Игорь, 23 года, безработный).

Такие и подобные этой истории составляют огромный массив рыбацких баек и рассказов, которыми рыбаки «подчуют» друг друга по дороге и в процессе рыбалки. Дискурсивно такие рассказы обычно связаны с несколькими «объектами мифологизаций». Первый и самый популярный из них – это, понятно, рыба. Мифологизируются ее вид, размер и место ловли. Количество пойманной рыбы достаточно важный момент. Истории про лодки, которые переворачивались, потому что были перегружены уловом – один из самых распространенных мотивов. Чтобы истории были занимательны, в них почти всегда присутствует интрига, героический или комический элемент, вписанный в необычную ситуацию, которая часто связана с риском. Риски касаются в первую очередь улова (о нем рыбаки беспокоятся всегда), потом немаловажную часть в истории играют погодные условия. Декорации рыбалки могут быть

зимними и всеми остальными. Фактически рыбаки-любители, в рамках советской субкультуры, могут быть поделены на две неравных группы: «летние рыбаки» и «рыбаки». Первая наиболее массовая категория ловит рыбу на открытой воде, вторая, куда менее многочисленная, но более престижная группа «рыбаков-всесезонников» занимается как рыбалкой на открытой воде, так и подледным ловом. Зимняя рыбалка на льду считается более непредсказуемой и тяжелой физически, поскольку температурные условия плюс риск трещин и промоин создают иногда критические ситуации. Однако возможный риск и экстремальность обстановки только добавляют рыбакам азарта:

«Думаю... рыбалка объединяет людей азартных. Всякий раз у нас разные истории случаются. Суть, сам смысл рыбалки в азарте: выведешь – не выведешь [рыбу – Б.Г.], подсечешь – промахнешься...» (Вадим, 42 года, предприниматель).

Азарт, преодоление трудностей являются одним из дискурсивных кодов через которые многие рыбаки-любители описывают природу своего хобби:

«Я могу в любое время рыбу ловить. Здесь в зависимости от времени года разные способы и разная рыба... Год назад, как раз в феврале я уволился, а новой работы никак не подворачивалось, ну, я имею ввиду достойной работы... Вот. Денег нет. Ну, я взял у друзей сеток, еще докупил и к другу на Залив поехал. Там у него дом прямо на берегу. Три недели я каждый день на лед. Погода ужасная была – то снег пойдет, то вообще, дождь. По щиколотку в воде корюшку ловил. Вот. Ну, свои 200 баксов я за это время отработал. Причем я оптом продавал. Если бы на Черной речке сам с рыбой стоял, в два раза больше бы денег было бы...» (Василий, 23 года, охранник).

В этой короткой истории можно увидеть рассказ о том, как самостоятельный, независимый мужчина-добытчик в критической ситуации сам взял у природы необходимые для существования ресурсы. Не взирая на трудности («погода ужасная была»), он с риском для здоровья («по щиколотку в воде») обеспечил свою семью и еще самоутвердился как рыбак («я могу в любое время рыбу ловить»).

Помимо рисков связанных с уловом, погодных рисков, существуют еще, уже упоминавшиеся, риски столкновения с Рыбнадзором. Рыбнадзор и его сотрудники также становятся объектами для мифологизаций. Мифологизируются методы борьбы с незаконным ловом и санкции по отношению к браконьерам. Нарушение рыбоохранного законодательства придает действиям рыбаков-любителей легкий «криминальный флер», что тоже описывается как увлекательнейшая часть «спектакля маскулинности» под названием рыбалка:

«Ну, понятно, что формально мы занимаемся браконьерством. Но сейчас реально мало рыбы стало на озере. Чтобы не с пустыми руками домой ехать ставим, конечно, и сетки... <...> Знаете, это даже где-то игра такая: поймают – не поймают. Договориться то можно, а если

лохануться, то сами дураки [имеются в виду инспектора рыбнадзора]» (Вадим, 42 года, предприниматель).

Можно сказать, что «сцена рыбалки» – это по определению пространство наполненное рисками. В зависимости от рыбацкой квалификации, опыта и умений эти риски могут возрастать или сокращаться, но присутствуют они всегда. Это поле для проявления настоящих «мужских» качеств: самостоятельности, азартности, некоего подобия профессионализма («*я без рыбы домой никогда не возвращаюсь*») и власти над обстоятельствами.

Для стилистически правильного действия на сцене рыбалки рыбаки-любители используют сложный и разнообразный реквизит. «Иногда неосознанно, а иногда и сознательно для утверждения своей личности субкультурная группа вырабатывает знаковые средства, служащие тому, чтобы подчеркнуть ее отличия от других людей и общность между собой» (Матвеева, 1987: 21). Для рыбацкой субкультуры характерны как вербальные, так и невербальные маркеры.

К вербальным прежде всего относится *сленг*. Рыбаки используют большое количество специфических терминов, связанных со способами, методами лова, со всевозможным снаряжением, видами льда, волн и пр. Все это позволяет достаточно легко определять принадлежность к рыбацкому сообществу.

Невербальные маркеры связаны, в первую очередь, с характерной *одеждой* и *снаряжением*. По этим знакам опытный рыбак может определить иерархический статус другого рыбака («чайник», «халявщик», «полупрофессионал»), вид рыбной ловли, которым тот занимается и т.д. Например, на зимней рыбалке начинающие рыбаки пользуются заводскими стальными ледобурами, опытные же предпочитают коловороты, сделанные на заказ из титана. На летней рыбалке по виду поплавка, крючка, самой удочки можно определить, что и в каком из окрестных водоемов собирается ловить тот или иной рыбак.

Обмундирование рыбака зависит в первую очередь от сезона, а также от способа ловли рыбы. Существует даже особая рыбацкая мода. Например, в последнее время, по словам одного из информантов, ящики для зимнего лова стали непопулярны, теперь в моде рюкзаки типа «Ермак» со складными стульчиками внутри. В зимний сезон в моду вошли резиновые «унты», вытесняющие постепенно традиционные валенки с галошами. Летние рыбаки стали отказываться от российских «телескопов» (раздвижных удочек) в пользу японских и т.д.

Некоторые предметы, составляющие снаряжение рыбака, также могут стать объектом для мифологизации и иметь статус особого реквизита. Например, зимние удочки (обычно рыбак использует от трех до двадцати штук) могут иметь свои имена: Маша, Катя, Саша и т.д. Это относится прежде всего к самодельным удочкам. На них делают зарубки по аналогии со

звездочками на советских истребителях времен войны, их хвалят и берегут. Существуют суеверия, связанные со снастью, попытки рационально объяснить «уловистость» той или иной удочки качеством привязанной к ней снасти (в действительности клев непредсказуем, что рыбаки считают одним из достоинств рыбалки). Подобного рода фетишизм с удочками и прочими снастями может показаться стороннему наблюдателю странным. Однако, как отмечал И. Топорков, «суеверия особенно распространены у людей, зависящих от обстоятельств, которые они сами не могут контролировать» (Топорков, 1998:36), а рыбаки-любители относятся именно к этой категории.

Говоря о необходимом реквизите, позволяющем по всем правилам разыграть настоящую рыбалку нельзя забывать о таком важном ее атрибуте, как алкоголь. В отличие от соотношения женщина - рыбалка, соотношение алкоголь - рыбалка признается в изучаемой субкультуре весьма уместным. Этот «коктейль» особенно популярен в период подледного лова, когда суровые температурные условия воспринимаются как простое и доступное объяснение того, что выпить на рыбалке необходимо. Есть две традиции, между представителями которых существует взаимное непонимание. Сторонники «трезвой рыбалки» мотивируют свою позицию связанными с алкоголем рисками (малый улов, зимой - обморожение, проблемы физических нагрузок и пр.). На вопрос об отношении к алкоголю на рыбалке один из информантов ответил: *«Ну, это не рыбаки. Рыбалка для них только повод»* (Александр, 43 года, фрезеровщик).

Сторонники алкоголя на рыбалке говорили о его достоинствах: согревает, веселит, помогает переждать мучительные периоды «обруба» (когда рыба временно перестает клевать). В целом группа непьющих относится к пьющим с нескрываемым презрением, встречая, в свою очередь, искреннее непонимание. Распространенные представления о рыбаках-пьяницах, отраженные в многочисленных анекдотах¹, байках и фильмах, часто находят подтверждение на практике. Например, существует традиция распития спиртных напитков «за улов» с обязательной жертвой части напитка водоему:

«Ну, конечно, когда у тебя не клюет - сидеть целый день... долго. А так: тёпочка за тёпочкой! И рыба начинает клевать. У меня были такие случаи. Рассказываю: приезжаем, сверлимся, сидим. Ни одной поклевки. «Ну, чего, мужики, дерябнем?» – «Дерябнем!» Только достаем бутылку... Клева никакого... По тёпочке вмазали за улов, и как начало брать! Просто потом двое дерут эту корюшку, один подходит выпить. Последняя стопка кончается, и клев обрубают. Представляешь?!» (Александр, 23 года, плотник).

¹ Пример известного рыбацкого анекдота: «Один мужик говорит другому:
- Ну что, на рыбалку поедем?
- Конечно, поедем.
- А удочки брать с собой будем?
- Не, не будем. А то, как в прошлый раз в электричке оставим».

Как отмечала в своей статье «Мужик не суетится, или Пиво с характером» Ольга Шабурова: «современный образ русского мужчины выписывается через несколько традиционных составляющих: а) алкоголь; б) отношение к женщине как к объекту сексуальных утех; в) описание особой сексуальной удали русского мужчины. Говоря этим же языком, можно употребить старую «формулу» мужских приоритетов – «лодка, водка и молодка». Отметим сразу, что спекуляция на этих составляющих российского мужского сознания была осуществлена ранее в кинопроекте А. Рогожкина «Особенности национальной охоты» с их продолжениями» (Шабурова, 2002: 536). Действительно, и первый и второй - «Особенности национальной рыбалки» - фильмы Рогожкина весьма популярны в рыбацкой среде и часто цитируются, что может косвенно подтверждать жизненность, узнаваемость представленных там образов. Анализируя опыт исследования субкультуры рыболовов-любителей можно согласиться с Шабуровой, что для мужчин, участвующих в рыбалке, «мужская (мужицкая) коллективность – суперценность, а оформляется она через ритуальное пьянство. В образе русского мужчины (мужика) выпивка – опять-таки некий экзистенциал. Это не только форма столь необходимого единения, но и способ доказательства своей мужской состоятельности» (Шабурова, 2002: 540). Я многократно наблюдал и несколько раз участвовал в установлении рыбаками подобного рода «мужской коллективности». Готов согласиться, что чувство единения, которое рождается зимой на Финском заливе среди мужчин, ушедших на 8 км от берега для того, чтобы поймать свой килограмм-полтора корюшки, при принятии 150 грамм водки сильно возрастает. Это по форме действительно напоминает некий ритуал, хотя по содержанию схоже с другими ситуациями рекреативного распития алкоголя.

Итак, вырисовывается следующая модель практики рыбалки. Действующие лица: мужчины от 10 до 70 лет, из разных профессиональных, экономических и социальных страт, Рыбнадзор и иногда, очень редко «женщины на рыбалке», функции которых обычно состоят из чистки пойманной рыбы и приготовления пищи. Декорации: дикая природа водоемов Северо-запада, обычно летом-весной-осенью, реже зимой. Погода неустойчивая. Костюмы: специфическая одежда, обычно несколько милитаризированного стиля и непромокаемая. Реквизит: рыболовные снасти, лодки - катера (или же ледобуры и сани), алкоголь. И над всем этим довлеет неопределенность успешного исхода, очарование многочисленных рисков и дух приключений.

На этой сцене разыгрывается «спектакль маскулинности». Она как бы специально создана для проявления мужских способностей по контролированию неконтролируемых ситуаций. Это полигон, где современные мужчины, зажатые в рамки расписаний и социальных обязательств, могут самостоятельно в узком кругу себе подобных любителей рыбалки самоутвердиться, сражаясь за добычу с капризами погоды и «происками» инспекторов Рыбнадзора.

Спектакль маскулинности

«Настоящность» мужчины... определяется тем, куда этот мужчина ходит, т.е. смысл термина («настоящий мужчина») оказывается подменным объектом действия (т.е. манеж, тир, зал, клуб, баня), - пишет Сергей Ушакин (Ушакин, 2002: 21). К перечисленным им «мужским» пространствам можно с уверенностью добавить рыбалку. Именно в пространстве рыбалки, в удаленном от городской жизни месте может успешно разворачиваться «спектакль маскулинности».

Чтобы стать полноправным членом рыбацкого сообщества, нужно в достаточно раннем возрасте приобщиться к рыбалке. Мой собственный опыт проникновения в рыбацкую среду это подтвердил. Для посторонних я, одетый в рыбацкую одежду, использующий рыбацкий сленг, казался рыбаком. Но для тех, с кем я ехал на рыбалку, я был просто дилетантом, поскольку не имел собственной экипировки, не владел всем объемом специфических рыбацких знаний.

Что же делает рыбака рыбаком? Прежде всего, рыбак должен любить и уметь ловить рыбу. Он должен иметь свои личные снасти и экипировку, должен соблюдать определенные нормы. Но кроме всего перечисленного, как говорили мои информанты: *«Он, прежде всего, должен быть настоящим мужиком»* (Александр, 23 года, плотник).

Джудит Батлер в своей, уже ставшей классической работе «Гендерное беспокойство» выражала мысль о том, что гендер не является изначально и окончательно предписанным свойством человека, это скорее совокупностью определенных практик и правил поведения в различных ситуациях (Butler, 1990). «Никакой половой идентичности за проявлением пола не скрывается, - пишет Батлер, -... идентичность конституируется в процессе представления теми самыми «проявлениями», которые считаются ее результатами» (Butler, 1990: 25). Но для того, чтобы маскулинный гендер явил себя в полной мере необходимо пространство для его «проявлений». Рыбалка с ее такими имманентными свойствами, как рискованность, необходимость преодоления физических трудностей, экстремальность, открывает для мужчин широкие возможности самоутвердиться в своей маскулинности. Модели мотивации рыбаковод-любителей, такие как рекреативная, социальная и экономическая функции рыбалки в свете гендерного подхода, дают основания предполагать, что их общим основанием является потребность в маскулинном самоутверждении. В заключении можно ответить на несколько вопросов, возникших в начале статьи.

От кого и чего отдыхают на рыбалке?

«Иногда дома так заест, ну, жена, свекровь ... денег нет... Я хватаю удочки и на Разлив. Посижу часа четыре в покое и тишине и лучше мне значительно. И тут не важно уже сколько поймал. Мелочевки коту наловил и хорошо» (Александр, 23 года, плотник). Или:

«Мы ездим, чтобы от города отдохнуть. Природа очень быстро помогает от всего лишнего как бы... ну, отшелушиваются проблемы все. обстановку сменить, развеется очень помогает...»

(Сергей, 35 лет, преподаватель). И еще последнее высказывание:

«Время потраченное на рыбалку не идет в зачет жизни» (Вадим, 42 года, предприниматель).

Интерпретируя эти фрагменты интервью можно предположить, что рыбаки ездят на рыбалку отдыхать от своей жизни в качестве мужей, преподавателей, горожан. Этот мужской эскапизм создает условия, где мужчина может проявить себя в первобытной роли добытчика. Он искусственно создает простую, но экстремальную, а главное сильно отличающуюся от обыденной повседневности сцену рыбалки, а потом уверенно разрешает все возникающие трудности. Время рыбалки – это особое сценическое время мужского самоутверждения.

С кем и как на рыбалке поддерживают социальные связи?

«Это неизъяснимое удовольствие. Просто побыть среди друзей... вдалеке от всего, от работы, от проблем всяких бытовых... Выпить чуток, поговорить... а тут и кивки начинают работать! Это можно только почувствовать. Рассказать сложно...» (Сергей, 35 лет, преподаватель).

Анализируя гендерный аспект этого высказывания в общем контексте субкультуры рыбаков-любителей можно сказать, что на рыбалку мужчины ездят общаться с мужчинами. Как отмечали Елена Здравомыслова и Анна Темкина: «...бегство от семейного долга в компанию друзей стало стратегией утверждения компенсирующей маскулинности. Казипуболичая сфера дружеского мужского общения – стала ареной утверждения истинной маскулинности, где осуществлялись попытки воплотить хотя бы частично нормативные модели» (Здравомыслова, Темкина 2002: 448). А возможности для реализации «нормативных моделей» маскулинности в пространстве рыбалки достаточно. Здесь и преодоление трудностей, и самостоятельность, и мужской коллектив, и элементы соревновательности. Гомосоциальность глубоко функциональна с точки зрения потребности в социальном пространстве, «свободном» от женщин, в рамках которого коллективно разделяемые смыслы мужской жизни типизируются и приобретают межличную значимость (Мещеркина, 2002: 274). Возможно, именно поэтому основная масса рыбаков негативно относится к присутствию женщин на рыбалке. Они нарушают гармоничное пространство «спектакля маскулинности». Как на рыбалке поддерживают социальные связи? Прежде всего, в форме общего соревновательного интереса: кто больше рыбы поймает. В зачет идет не только количество. Очень важен размер рыбы, ее вид. Мужчина, поймавший крупную или особо редкую рыбу (в наших водоемах это обычно лосось), вызывает уважение у других участников рыбалки. Его внутрисубкультурный статус возрастает. О «подвиге» тут же слагается история, которая иногда буквально сразу, посредством мобильной телефонии, широко

распространяется среди рыбацкой компании. Другой формой поддержки социальных связей и «мужского единства» можно считать ритуальное пьянство. Опять цитируя Ольгу Шабурову, которая проводила анализ массовой культуры и рекламы как средств формирования мужской идентичности, можно сказать, что «... в счастливом пивном мире мужчины женщины нет. ... Женщина – постоянный фактор напряжения, усложнения мужской жизни, и лучшие моменты его существования все же без нее» (Шабурова, 2002: 542). Рыбалка в сознании рыбаков любителей – эта практика, где мужской коллектив самоутверждается в соревновательном ритуале добычи рыбы, перемежая его «настоящим мужским» пьянством.

И, наконец, последний вопрос: какие дополнительные экономические ресурсы добывают рыбаки-любители?

Очевидная часть ответа на этот вопрос – рыбу/еду, являет собой только верхнюю часть айсберга мотиваций. Позволю себе еще раз привести здесь нарратив 23-х летнего рыбака из Сестрарецка:

«Рыбалка дает уверенность. Уверенность, что я в любой момент буду независим от каких-то катаклизмов экономических. Всегда брюхо смогу набить. Это очень лелеет самолюбие: вот я смогу уехать куда-то далеко. Взять там... э-э... какие-то элементарные вещи и смогу прожить» (Василий, 23 года, охранник). Здесь можно разглядеть, что в водоемах Северо-запада рыбаки-любители ловят не только рыбу, но и ощущение уверенности в себе как в самостоятельных, независимых мужчинах, мужчинах, которые в пространстве рыбалки обретают возможность для участия в «спектакле маскулинности».

Приложение

Рыбацкие термины и арго

Бахилы – высокие, до колена, резиновые чулки с калошами, которые надевают поверх валенок

Блесна – рыболовная снасть, представляющая собой металлическую пластину с крепящимся к ней трехзубым крючком; при движении под водой она отбрасывает световые блики, что привлекает рыбу

Блеснить – ловить рыбу с помощью блесны

Болотники – высокие, выше колена, резиновые сапоги, используются в тех видах рыбалки, когда надо подолгу находиться в воде (рыбалка с острогой, пауком)

Бредень – рыболовная снасть, представляющая собой чулок из сетки с двумя сеточными крыльями, за которые рыбаки протаскивают бредень под водой

Бурак – рыболовное приспособление, напоминающее по форме бутылку с горлышком внутрь. Ставится в быстрых речках, куда рыба поднимается по течению на нерест и, заплывая в бурак, не может из него выплыть

Верши (норд) – чулок из прутьев, ставится в камышах на карасей

Воблер – снасть наподобие блесны, только в отличие от нее во время вращения катушки спиннинга, воблер идет ближе ко дну, тогда как блесна всплывает к поверхности воды

Гусинка – поплавок из гусиного пера

Глушить – ловить рыбу с помощью подводных взрывов

Дорожка – ловить с плывущей лодки на блесну, которая движется за кормой (обычно так ловят судака)

Донка – рыболовная снасть, состоящая из крючка, грузила и лески. Донку оставляют на продолжительное время, рыба ловится на нее и в отсутствии рыбака

Живец – маленькая рыбка, используемая для приманки. Обычно живец надевается на донку, капкан, жерлицы, перемет или кружок

Играть – поднимать и опускать блесну или мормышку, тихонько постукивая ею по дну (считается, что это приманивает рыбу)

Капкан – рыболовное приспособление, состоящее из трех металлических зубцов, соединенных мощной пружиной, на нижний зубец насаживают живца. Когда рыба (обычно это щука) хватается за приманку, верхние два зуба впиваются ей в голову

Клев – период активной ловли рыбы

Кольцо – особый вид корзины с приманкой, которая забрасывается в воду вместе с переметом

Костюм – резиновый комбинезон, часто с резиновой же курткой, который используется для ловли рыбы в холодной воде (он необходим для ловли бреднем, мережей, сеткой, острогой)

Кружок – кусок пенопласта, окрашенного в красный и белый цвета, к которому привязана донка. Когда рыба клюет, кружок переворачивается и плавает другим цветом над поверхностью воды

Крючок – специально выгнутая проволока (иногда достигающая 2,5-3 м длины), предназначенная для установки сеток подо льдом

Ледобур (шнек или коловорот) – рыбацкое приспособление для проделывания лунок во льду. Его можно купить в магазине, но престижнее, когда он сделан на заказ или самостоятельно

Лунка – небольшое круглое отверстие во льду

Любитель – человек, который занимается рыбалкой редко и не имеет большого количества снастей

Майна – прорубь для установки и снятия сетки

Мережа – рыболовное приспособление, напоминающее бредень, но в отличие от него мережу не таскают по дну, а устанавливают в реке на двух железных колах на ночь или более

Мормышка – рыболовная снасть, представляющая собой крючок с прикрепленной к нему металлической или пластмассовой бляшкой, которая или блестит или фосфоресцирует под водой, привлекая рыбу

Наживка – любой вид приманки, насаживаемый на крючок, мормышку, капкан и пр.

Огород – часть водоема, где тот или иной рыбак ловит регулярно

Острога – длинная палка с металлическим многозубцем (острогой бьют рыбу во время нереста, когда она всплывает ближе к поверхности воды)

Отруб – временный перерыв клева

Паук – рыболовное приспособление, состоящее из куска сетки, привязанной за четыре угла к перекрещивающимся металлическим дугам, которые, в свою очередь, присоединены к длинной палке. Паук опускают в воду, затем резко поднимают и на сетке должна оказаться рыба

Перемет – леска длиной 100-150 м с двумя грузилами по концам. Через каждые метр-полтора привязаны крючки с наживкой

Пешня – приспособление для прорубания майн, по форме напоминающее копы с широким наконечником

Прикормка – 1. что-либо (каша, хлеб, дохлая ворона, чайка и т.д.) для приманки рыбы к конкретному месту (основное значение); 2. алкоголь, употребляемый во время отсутствия клева (считается, что после распития рыба должна начать клевать)

Протягивать – устанавливать сетку подо льдом путем протягивания подо льдом веревки, к которой привязана сеть

Пружинка – донка с прикрепленной вместо грузила пружиной, в которой находится каша для прикормки леща

Путина – период нереста рыбы, когда можно добиться исключительно крупных уловов

Резинка – надувная резиновая лодка

Спиннинг – специальная короткая удочка, предназначенная для летней ловли на блесну. Он должен быть оснащен катушкой с леской, которая позволяет забрасывать блесну как можно дальше

Табанить – удерживать лодку на одном месте (во время снятия сетей это технологически очень важно)

Телевизор (экран) – прямоугольной формы кусок сетки с привязанными к ней по двум сторонам рейками. Используется в спокойной воде

Тёпочка – стопка

Телескоп – длинная удочка (пять и более метров), складывающаяся по принципу подзорной трубы

Травить – ловить рыбу посредством отравления водоема хлоркой, цементом и т.п.

Финка – сеть, составляющая тридцать метров в длину и полтора в высоту

Флажок – рыболовная снасть, напоминающая донку и устроенная таким образом, что в момент клева рыбы над лункой разматывается и развивается на ветру кусок красной тряпки, что позволяет видеть поклевку издалека

Халявщик – рыбак, который стремится получить максимальный улов, прилагая минимальные усилия

Хапать – ловить помногу

Ящик – деревянный или металлический ящик, предназначенный для зимней рыбалки. Он используется как резервуар для снастей и провианта, а также как табурет

Литература

Бурдые, П. (1994). Начала. Москва: SOCIO-LOGOS.

Гладарев Б. (2001). Для нас работа – перерыв между рыбалкой (субкультура рыбаков - любителей)/ Невидимые грани социальной реальности. Труды ЦНСИ.// Под ред. Воронкова В., Паченкова О. и Чикадзе Е. Вып. 9. СПб.:с. 63-72.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2002). Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе/ под ред. С. Ушакина. О муже(Н)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. с. 432-451

Матвеева С.Я. (1987). Субкультуры в динамике культуры. В: Субкультурные объединения молодежи. Москва: ИНИОН. С. 16-23

Мещеркина Е. (2002). Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса / под ред. С. Ушакина. О муже(Н)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. с. 268-287

Рискин А. (1999). На рыбалку – как на службу // Независимая газета, 9.02.1999

Топорков И. (1998). Суеверные предметы и мифология повседневности. В: Мифология и повседневность. Материалы научной конференции. С-Пб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного института.

Филмер, П., Филипсон, М., Силвермен, Д., Уолш, Д. (1978). Новые направления в социологической теории. Москва: Прогресс.

Шабурова О. (2002). Мужик не суетится, или Пиво с характером / под ред. С. Ушакина. О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. с. 532-555

Ушакин С. (2002). “Человек рода он”: знаки отсутствия / под ред. С. Ушакина. О муже(N)ственности: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение. с. 7-42

Butler J. (1990). *Gender Trouble: Feminism and Subversion of Identity*. New York: Routledge.